

УДК 94(47).07

ОСТАФЬЕВСКАЯ ОСЕНЬ КНЯЗЯ П.А. ВЯЗЕМСКОГО 1830 ГОДА: ХОЛЕРНЫЙ КАРАНТИН И ТВОРЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ

Т.А. Егерева

Государственный музей-усадьба «Остафьево» – «Русский Парнас»

Аннотация: Статья посвящена пребыванию князя П.А. Вяземского на холерном карантине в его подмосковной усадьбе Остафьево осенью 1830 г. На основе архивных документов рассказывается о противоэпидемических мерах, принятых князем в деревне. Особое внимание уделено литературному творчеству П.А. Вяземского во время карантина, в частности, его работе над биографией Д.И. Фонвизина.

Ключевые слова: П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, холера, Остафьево, творчество.

PRINCE P.A. VYAZEMSKY'S OSTAFYEVO AUTUMN OF 1830: CHOLERA LOCKDOWN AND CREATIVE RISE

Т.А. Egereva

The State Museum-Estate «Ostafyevo» – «Russian Parnassus»

Annotation: The article is concerned with the life of prince P.A. Vyazemsky in Ostafyevo during the cholera pandemic and lockdown of 1830. Anti-epidemic measures in Ostafyevo are described by archival documents. Creative work of P.A. Vyazemsky during the cholera lockdown is in the center of attention, particularly his work at Fonvizin's biography.

Keywords: P.A. Vyazemsky, A.S. Pushkin, cholera pandemic, Ostafyevo, creative work.

В 1830 г. в России свирепствовала эпидемия холеры. Первые признаки холеры были зафиксированы на Южном Урале во второй половине 1829 г., после чего болезнь неожиданно отступила, чтобы летом 1830 года с еще большим размахом вернуться вновь. 28 августа министр внутренних дел граф А.А. Закревский доложил императору Николаю I, что холера вторглась в Центральную Россию. Болезнь неудержимо двигалась вверх по Волге: от Астрахани к Царицыну, потом к Саратову, Казани и Нижнему Новгороду, сорвав знаменитую Макарьевскую ярмарку: *«Бедная ярманка! Она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!»* – писал А.С. Пушкин [15, с. 53]. Настроение в Москве и Петербурге было беспокойное: *«Все в большей или меньшей степени охвачены ужасом! Нечто жуткое таится в самом понятии «эпидемия»: она одинаково опасна для всех, и никому не скрыться от этого коварного, неумолимого врага»*, – отметила в своем дневнике Долли Фикельмон [9, с. 132]. Князь П.А. Вяземский вспоминал, что с середины сентября приближающаяся холера стала главным предметом разговоров в Москве. Горожане бросились раскупать чеснок – он *«вздорожал шестью рублями»*, даже в аристократическом Английском клубе, по отзыву А.Я. Булгакова, все было приготовлено на чесноке [2, с. 147].

Москвичи разделились на три класса: *«бесстрашные, объятые ужасом и равнодушные»* [2, с. 148], вторые из этого перечня пытались обезопасить себя всеми доступными средствами: клали по углам комнат деготь, приглашали священников на дом петь молебны, заставляли своих крепостных мужиков в помещении беспрерывно жечь можжевельник, а во дворе – навоз. Князь Вяземский, ожидавший скорее худого, нежели надеявшийся на хорошее [3, с. I], к числу *«бесстрашных»* перед лицом болезни не относился. *«Вообще, я не люблю финтить с Провидением: как ни делай, а оно проведет, если захочет»*, – мрачно писал он В.А. Жуковскому [10, с. 358].

В Москве осенью 1830 г. князь оказался по делам службы: с весны этого года он состоял по ведомству Министерства финансов и числился в командировке для устройства про-

мышленной выставки, которая первоначально намечалась на сентябрь 1830 года, но из-за эпидемии холеры была перенесена на май следующего года. Дети князя находились в его подмосковной усадьбе Остафьево, супруга, княгиня Вера Федоровна, уехала погостить к матушке, а сам Вяземский мучительно раздумывал, как поступить в сложившейся ситуации: уехать в усадьбу, подальше от скопления людей, или, наоборот, перевезти детей в Москву, где в случае болезни можно было рассчитывать на лучшую медицинскую помощь, нежели в деревне. Наконец, при известии, что холера в городе, он решился ехать в Остафьево: *«запасся пиявками, хлором, лекарствами, фельдшером и приехал вечером в деревню»* [4, с. 195].

В своей подмосковной князь попытался принять все возможные меры предосторожности для своей семьи и крестьян: эпидемия объединила перед лицом общей опасности и дворянский, и крестьянский мир обитателей усадьбы. *«Я с семейством своим остаюсь между вами, следственно одна судьба нас ожидает»* [8, л. 1 об.], – говорил Вяземский своим крестьянам. В Остафьевском архиве, ныне находящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), сохранилась объемная папка – «Документы о борьбе с эпидемией холеры». В ней собраны разнообразные материалы: записка графа А.А. Закревского от 14 сентября 1830 г. о борьбе с холерой, приказ помещикам от Подольского земского суда по организации противоэпидемических мер в усадьбах, «Ведомости о состоянии города Москвы» М.П. Погодина, в которых печатались ежедневные сведения о количестве заболевших, выписка о состоянии холерных госпиталей в Минске. Среди собранных документов есть любопытный автограф: речь князя Вяземского перед остафьевскими крестьянами по поводу холеры. В отличие от А.С. Пушкина, провозгласившего болдинским крестьянам, что холера пришла оттого, что они пьянствуют и не платят оброка, и потом смеявшегося над своей *«проповедью»* (из письма к П.А. Плетневу: *«я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешнюю мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка»* [13, с. 241]), князь Вяземский подошел к своей речи серьезно. Он по пунктам перечислил крестьянам, как надо поступать, чтобы не допустить эпидемии в деревне, воспользовавшись в качестве образца рекомендациями графа А.А. Закревского. Впрочем, некоторые абзацы из записки А.А. Закревского, например, что употребление *«хорошего вина для простого народа, а для прочих водки анисовой, мятной, можжевелевой, не только не вредны, но способствуют испарине и пищеварению»* [8, л. 18 об.] князь весьма благоразумно решил опустить. После обедни в усадебной церкви Св. Троицы князь зачитал перед крестьянами свои приказания: *«Никому без особенного на то позволения моего не отлучаться из селения никуда и никого ни из соседних, ни из других деревень, ни из Москвы, ни из Подольска к себе в дома ни под каким видом не впускать»* [8, л. 1]. Для езды за покупками в город из крестьян выбрать два-три человека, которые по возвращении в Остафьево *«должны выдержать несколько дней очистки и окуренья»* в отдельной избе. Как отметил при этом Вяземский, *«за двумя, тремя человеками усмотреть можно, но, если все крестьяне стали бы разъезжать по сторонам, то, Боже сохрани, не долго и до беды»*. Поскольку считалось, что сырость и холод споспешествуют распространению заразы, рекомендовалось наблюдать, чтобы *«никто не спал на открытом воздухе, чтобы в ночное время, вскоре после сна, не выходил не одевшись порядочно, без обуви»*, также и после *«пару в бане не скоро выходил на открытый воздух; в бане не обливался бы холодной водою, и идучи из бани, одевался бы как надлежит, неставляя обнаженными груди и ног»*. Эти рекомендации князь Вяземский повторил своим крестьянам дословно, потребовав *«вообще наблюдать большую чистоплотность, отменную чистоту в комнатах, в избах и около себя»*. Отдельная группа рекомендаций касалась диеты, поскольку считалось, что развитию болезни способствуют *«пища и питье неудобоваримые и*

скороприходящие в брожение». Вяземский велел крестьянам «не пить пива, квасу, меду. Не есть грибов; не пить кислого молока» [8, л. 1 об.]. Специально избранным князем крестьянам следовало обходить все избы в деревне два раза в день, проверяя, нет ли заболевших и исполняются ли предписания. Свою речь князь закончил упованием, что Остафьево избежит беды, как избежало оно в 1812 году разорения от французов, если только крестьяне будут «вести себя благонравно, трезво, послушно как должно христианам, подданным Государя и слугам помещика своего» [8, л. 2].

Вряд ли остафьевские крестьяне прилежно выполняли приказания своего барина: сам Вяземский признавал, что у него не было «силы повелительной». В своих «Записных книжках» он вспоминал, как поначалу горячо принялся за учреждение предохранительных мер всякого рода, но не все выдержал: «Повиновение не внушается разом: нужно взрастить его в привычках повинующихся» [4, с. 195].

В усадьбе между тем царствовала роскошная золотая осень. «Трудно было вообразить, – писал Вяземский В.А. Жуковскому, – что при таком улыбающемся небе земля могла быть предана подобному бедствию; но небо улыбалось нам сардонической усмешкою» [10, с. 358].

Как осень хороша! как чисты небеса!
Как блещут и горят янтарные леса
В оттенках золотых, в багряных переливах!
Как солнце светится в волнах, на свежих нивах!

...
Но горе! тайный враг, незримый, неизбежный,
Средь празднества потряс хоругвию мятежной.
На ней начертано из букв кровавых: Мор.

Так писал Вяземский в стихотворении «Осень 1830 года», с предельной откровенностью запечатлевшем его психологическое состояние и мучительное переживание несоответствия между жизнью природы, невозмутимо идущей своими вечными ритмами, и человеческой жизнью, столь краткой, хрупкой и уязвимой. Этому стихотворению Вяземского суждено было стать началом замечательного творческого диалога, подарившего отечественной словесности несколько шедевров пейзажной лирики. А.С. Пушкин подхватил философский мотив последнего бурного празднества осени перед лицом надвигающейся гибели в своем хрестоматийном стихотворении «Осень (Отрывок)» 1833 года, мастерски используя найденный Вяземским цветовой ряд в изображении осенних красок. Вяземский, в свою очередь, отозвался на мотивы пушкинской «Осени» в своем новом лирическом стихотворении «И в осени своя есть прелесть...», опубликованном в 1862 году в сборнике «В дороге и дома». Завершением этого лирического диалога двух поэтов длиной в полстолетия стала «Осень 1874 года (Гомбург. Октябрь)», написанная престарелым князем Вяземским на закате жизни.

Помимо лирики, во время карантина в Остафьеве Вяземский плодотворно занимался и прозой. Литературное творчество, погружавшее князя в идеальный мир мыслей и образов, спасало его от тягостной действительности и помогало обрести душевное равновесие. «...Человеческая природа не выдерживает долгого сильного напряжения, – писал Вяземский И.И. Дмитриеву, – нервы в горести и в радости растягиваются мало-помалу, и, за исключением новых потрясений, привыкаешь к своему положению. Так было и со мною» [12, с. 613]. На склоне лет он признавался, что никогда письменная работа – ни прежде, ни после – не была для него столь увлекательна и плодотворна, как в ту холерную осень. Он писал прилежно, усидчиво, по целым часам до обеда и вечерами за полночь [3, с. LI]. Его вынужденный досуг из-за холерного карантина очень способствовал тому, что идеи и планы, годами обдумывавшиеся, наконец, нашли свое воплощение.

Одним из них было давнее желание князя написать биографию Д.И. Фонвизина. Замысел этой книги возник еще в 1822 г., когда известный книгоиздатель П.П. Бекетов решил

издать собрание сочинений Фонвизина и обратился к Вяземскому с предложением написать предисловие к нему. Князь подошел к делу очень серьезно: в 1823 г. в открытом письме к издателю журнала «Сын Отечества» он просил читателей сообщать ему документы, рукописи, устные предания о жизни и творчестве драматурга [5, с. 98–99]. С той же целью он настойчиво обращался к своим друзьям и знакомым – А.А. Бестужеву, И.И. Дмитриеву, А.И. Тургеневу, А.Я. Булгакову, Н.Б. Юсупову, П.В. Мятлеву и другим, – либо лично общавшимся с Фонвизиным, либо имевшим материалы о нем в семейных архивах [7, с. 202]. В результате целенаправленной собирательской деятельности у Вяземского сформировался богатый архив бумаг, в числе которых были и автографы, связанные с творчеством и служебной деятельностью Фонвизина. Стало понятным, что для осмысления накопленного материала потребуется не статья, а самостоятельная книга. К ее написанию князь приступил в декабре 1827 г., но основная часть работы над первой редакцией была совершена им в Остафьеве осенью 1830 г. Помимо собранных фонвизинских документов, в распоряжении Вяземского в усадьбе была «богатая житница» – отцовская библиотека, насчитывавшая более 5 тысяч томов по разным областям знания.

«*Всё во всём*» – этот афоризм сопутствовал князю в его работе над биографией драматурга. По убеждению Вяземского, как в природном мире, так и в социальном все явления связаны между собою и «нередко одно слово, одно имя, одно малейшее событие может вас увлечь в разнообразные и далекие изыскания» [3, с. L]. В ходе работы над биографией Фонвизина Вяземский пускался в подобные «далекие изыскания»: он перечитал почти всю русскую литературу XVIII века, в том числе всего А.П. Сумарокова, осилил более половины многотомного издания «Российского Феатра» – «подвиг, скажу, Геркулесовский, более – Бенедиктинский» [3, с. L], а также просмотрел парижские хроники, современные пребыванию Фонвизина за границей, переписку Ф.М. Гримма, Ж.Л. д’Аламбера и других европейских просветителей [4, с. 205]. В результате, как писал князь Вяземский, «одинокое лицо писателя Фон-Визина вошло в общественную жизнь эпохи, и современная ему эпоха обставила живую рамою написанное мною его изображение».

С подобным новаторским подходом к изучению истории литературы – стремлением вписать творчество изучаемого героя в широкую панораму общественной жизни его эпохи – был полностью согласен А.С. Пушкин. В письме из Болдина от 5 ноября 1830 г. он ободрял Вяземского в его разысканиях: «*Радуюсь, что ты принял за Фонвизина. Что ты ни скажешь о нем, или кстати о нем, будет хорошо, потому что будет сказано*» [13, с. 246]. По словам В.В. Бондаренко, пушкинская оговорка («кстати о нем») гениально угадала замысел князя: Вяземский действительно очень многое сказал об отечественной истории и литературе, воспользовавшись для этого как отправной точкой биографией Фонвизина [1, с. 323].

По мнению князя, «*История литературы народа должна быть вместе историею и его общежития*». Эпоха, в которую жил и творил Д.И. Фонвизин и которую изучал Вяземский, была эпохой русского Просвещения, временем царствования Екатерины Великой. «*Сие царствование – громкое, великодушное, восторженное – имело в себе много лирического, – писал Вяземский. – Его можно назвать высоким, торжественным гимном в истории отечественной. Все в нем способствовало к возвышению и славолению духа народного*» [6, с. 6]. Помимо «исполинских», по словам князя, фигур А.В. Суворова, Г.А. Потемкина, П.А. Румянцева, прославивших Россию на поприще военных побед, екатерининское правление способствовало успехам образования и просвещения: «Она не только уважала ум, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила к нему, но, так сказать, баловала и щадила неизбеж-

ные его уклонения» [6, с. 7]. Напротив этого предложения на полях рукописи «Фонвизина» сохранилась пушкинская пометка: *«Прекрасно»*.

Конечно, и А.С. Пушкин, и П.А. Вяземский прекрасно знали об участии Н.И. Новикова и А.Н. Радищева, которых Екатерина II отнюдь не «баловала» за «неизбежные уклонения» ума, известно им было и о сложных отношениях с императрицей самого Фонвизина. Исследователи полагают, что, намеренно идеализируя образ Екатерины, Вяземский воспользовался старинным приемом *«урока царям»*: назидания современному правителю под видом рассказа о его славном предке [7, с. 209; 11, с. 176]. Сообразительные читатели князя наверняка сразу же понимали, о чем идет речь в строках Вяземского *«в самой власти <...> есть и должно быть обыкновенно тайное начало великодушия»* [6, с. 12] и кого следовало бы *«пощадить»* за смелые теории ума.

Таких переключек с современностью в книге Вяземского немало. Вот, к примеру, горькое размышление князя о том, как легкомысленно его современники относятся к сохранению исторической памяти: *«Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощаемая суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет в себе места для преданий вчерашнего»* [6, с. 13]. Об этом же писал и А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» по поводу гибели А.С. Грибоедова: *«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»* [14, с. 452]. В семейных архивах, если таковые сохраняются, бухгалтерские счета и делопроизводственные выписки заслоняют редкие памятники умственной и духовной жизни предков: *«Странно и прискорбно видеть, – писал по этому поводу князь Вяземский, – как мало дорожили и дорожат у нас поныне следами умственного бытия, с какою младенческою беспечностью предается у нас забвению и тлению все то, что должно бы со тщанием и набожным чувством быть хранимо в архивах семейных!»* Не случайно бережное отношение к прошлому, сохранение свидетельств о минувшем писатели пушкинского круга воспринимали как насущную задачу русской культуры: *«Признаюсь, большую часть так называемой изящной словесности нашей отдал бы я за несколько томов записок, за несколько Несторских летописей тех событий, нравов и лиц, коими пренебрегает история»*, – писал Вяземский [6, с. 34].

В отличие от тех биографов, которые полностью и безоговорочно разделяют точку зрения своих героев, князь Вяземский сохранял заметную дистанцию по отношению к Фонвизину. В чем-то он удостаивал драматурга своей похвалы: например, князь высоко оценил личные качества Фонвизина, проявленные им на службе у графа Н.И. Панина, руководившего внешней политикой Российской империи. В иных случаях князь Вяземский, наоборот, строго судил своего героя. Особенно ярко это проявилось в шестой главе монографии, где речь шла о впечатлениях Фонвизина от заграничных путешествий. *«Путешествие, – писал князь Вяземский, – для ума любопытного и наблюдательного есть род практического учения...»* [6, с. 75]. Просвещенного путешественника отличает желание узнать и увидеть все лучшее, что есть у других, чтобы передать это своим соотечественникам. В этом плане образцом для Вяземского были «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, познакомившие россиян с европейскими культурными достижениями. Скептические же отзывы о Европе, особенно о Франции и французских энциклопедистах, в переписке Фонвизина с П.И. Паниным вызвали порицание Вяземского, писавшего о драматурге: *«большая часть его заграничных наблюдений запечатлена предубеждениями, духом исключительной нетерпимости и порицаний, которые прискорбны в умном человеке»* [6, с. 76].

Именно шестая глава, посвященная заграничному путешествию Фонвизина, с наибольшей яркостью характеризует самого Вяземского как *«русского европейца»* и одновременно содержит душевные мысли князя о просвещении, о нравственном долге писателей и о любви к родине – тем более, что эти три понятия оказывались в его сознании тесно связанными. По мнению Вяземского, без Просвещения невозможно благо и процветание России, поэтому все мыслящие люди, *«особливо же писатели <...> должны не разделять любви к отечеству с любовью к просвещению: сия двойственная любовь должна зажигаться у одного пламенника, гореть пред одним алтарем»* [6, с. 77].

17 декабря 1830 года, *«уже при последних издыханиях холеры»*, князя Вяземского навестил в Остафьеве А.С. Пушкин. Друзья обсудили результаты своих литературных трудов на холерном карантине. А.С. Пушкин читал Вяземскому стихи, написанные Болдинской осенью, и отрывки из десятой главы «Евгения Онегина», где речь шла о декабристах. Вяземский, в свою очередь, познакомил А.С. Пушкина с главами из своей книги «Фонвизин». *«Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и судил о труде моем с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого, – вспоминал впоследствии Вяземский о беседе с Пушкиным. – Вообще более хвалил он, нежели критиковал. <...> Как бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем. Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд»* [3, с. LI].

Подводя итог, следует сказать, что князю П.А. Вяземскому, как и А.С. Пушкину, удалось силой таланта превозмочь удручающую действительность холерной эпидемии и превратить время, проведенное на вынужденном карантине в деревне, в период продуктивного творчества.

ИСТОЧНИКИ

1. Бондаренко В.В. Вяземский. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 680 с.
2. Булгаков А.Я. Братья Булгаковы. Письма в 3-х томах. Т. III. Письма 1827–1834 гг. – М.: Захаров, 2010. – 622 с.
3. Вяземский П.А. Автобиографическое введение. //Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. В 12 томах. Т. I: Литературные, критические и биографические очерки. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878. – С. I–LX.
4. Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). – М.: АН СССР, 1963. – 507 с.
5. Вяземский П.А. Письмо к издателю «Сына Отечества». //Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. В 12 томах. Т. I: Литературные, критические и биографические очерки. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878. – С. 98–100.
6. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. В 12 томах. Т. V. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. – 366 с.
7. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. – Л.: Наука, 1969. – 391 с.
8. Документы о борьбе с эпидемией холеры. //Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.195. Вяземские. Оп.1. Ед. хр. 102 а.
9. Фикельмон Д.Ф. Дневник. 1829–1837: весь пушкинский Петербург. – М.: Минувшее, 2009. – 1008 с.
10. Из писем князя Вяземского к Жуковскому. //Русский архив. 1900 г. № 3. С. 355–390.

11. *Перельмутер В.* «Звезда разрозненной плеяды!...»: Жизнь поэта Вяземского, прочитанная в его стихах и прозе, а также в записках и письмах его современников и друзей. – М.: Книжный сад, 1993. – 367 с.
12. Письма П.А. Вяземского к И.И. Дмитриеву. //Русский архив. 1868 г. № 4–5. С. 602–658.
13. *Пушкин А.С.* Письма 1830 г. //Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Т.Х: Письма. – Л.: Наука, 1979. – С. 207–255.
14. *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. //Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Т. VI. Художественная проза. – Л.: Наука, 1978. – С. 432–484.
15. *Пушкин А.С.* Холера. //Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Т. VIII. Автобиографическая и историческая проза. – Л.: Наука, 1978. – С. 52–54.